

Денис Спирин

Завет Петра 3

Промышленная революция

Денис Старый

Завет Петра 3.

Промышленная революция

«Автор»

2026

Старый Д.

Завет Петра 3. Промышленная революция / Д. Старый —
«Автор», 2026

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету. Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый. Вот только сначала нужно не дать себя добить.

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Старый

Завет Петра 3. Промышленная революция

Глава 1

Петербург. Зимний дворец

9 февраля 1725 года

Тяжелые двустворчатые двери кабинета с грохотом распахнулись, ударившись о стену. Тишину дворцовых покоев разорвал пронзительный, почти нечеловеческий женский визг:

— Убью тебя, Антихрист! Будь ты проклят во веки веков!

С таким истошным воплем встречала меня единственная венчанная, законная перед Богом и людьми жена. Это если исходить из того, что верных причин разлада, как для церкви, и не было. Детей родила Евдокия, измен не чинила.

Да, Катенька-Екатерина тоже числилась моей законной супругой, но в православии нет понятия «развенчать» или просто «развести». Перед алтарем царь стоял именно с этой фурией.

Если положить руку на сердце и смотреть на вещи трезво, то глубинная боярская оппозиция — та самая заскорузлая Русь, корни которой я так до конца и не выкорчевал, — никогда в душе не признавала ни безродную прачку Екатерину Алексеевну, ни светлейшего казнокрада Меншикова, ни моих новых детей. Для них царицей была и оставалась Евдокия.

Просто у этого замшелого боярства больше не осталось клыков и рычагов давления на меня. Стрелецкие полки, их ударная сила, давно сгнили в могилах или разогнаны. Поместная конница перестала существовать как класс. В стране просто не было организованной силы, способной поднять бунт ради старых порядков.

А новая императорская гвардия... Гвардия, пусть и со своими тараканами, уже посчитавшая, что является политической силой, все равно стояла за меня стеной. Ибо эти офицеры и солдаты были плотью от плоти новой власти. Они презирали спесивое старое боярство так же яростно, как боярство ненавидело их в ответ.

И пусть даже и не все за меня, как показали недавние события, но ведь и не за старые порядки точно. Потому нет у глубинного боярства будь какого шанса на возрождение. Они это понимают, все больше вынуждено вливаются в новую систему. Но дай им надежду...

Я сидел в своем любимом вольтеровском кресле у камина, отстраненно, глазами стороннего человека рассматривая эту быющую в истерике бабу — Евдокию Лопухину. И, признаться, в этот момент я кристально ясно понимал своего предшественника, настоящего Петра Алексеевича. Жить под одной крышей с подобной стервой, источающей яд и претензии, — это прямой путь в сумасшедший дом.

Казался спокойным, но внутри все бурлило, несмотря на то, что от меня сейчас разить лекарствами должно. Выпил изрядно настойки из валерианы, пустырника.

Я смотрел на женщину и чуть ли не трясло меня. Нет, у нас изначально не было ни единого шанса. У Петра был характер взрывной, сметающий всё на своем пути; Евдокия же отвечала ему глухим, упрямым, непробиваемым фанатизмом. Там и отношение к религии и к жизни и существенный тормоз и непонимание всего того, что делал Петр.

Но главное было в другом. Глядя на нее, я понимал: эта женщина была для Петра живым воплощением того самого прошлого, которое он мечтал выжечь из своей памяти каленым железом. Времени до потешных полков, до Гвардии, до триумфа Полтавы. Времени, когда он, сопливый мальчишка, в животном ужасе прятался от окровавленных бердышей стрель-

цов, когда вздрагивал от каждого шороха в Кремле, боясь потерять всё, включая собственную жизнь.

Лишь после перелома в Северной войне Петр сбросил эту липкую паутину страха, перестал проводить робкие полумеры и начал с хрустом ломать Россию через колено. А Евдокия так и осталась там, в душном, пропахшем ладаном и страхом тереме. В молитвах своих, в прошлом измерении будто, являя собой уже ушедшую эпоху.

— Ну что ж ты, Евдокия, кричишь? — мой голос прозвучал ровно, нарочито обыденно, резко контрастируя с ее истерикой. Я сделал короткий, властный жест рукой. — Слышу я тебя. Чай, не глухой. Вот, призвал тебя поговорить.

Гвардейцы синхронно, с профессиональной грубостью усадили ее на тяжелый дубовый стул напротив меня. Хрустнули суставы.

Я специально распорядился поставить стул на почтительном расстоянии — метрах в шести, не меньше. Не из страха перед бабой, а из прагматики. Судя по безумному огню в ее глазах, она бы не раздумывая бросилась мне на шею, чтобы зубами вырвать кадык или расцарапать лицо в кровь. И тогда даже если у нее ничего бы и не вышло, вынуждено мог и я ударить. Но никакая женщина не будет мной бита.

Она тяжело дышала, глядя на меня исподлобья. И вдруг ее истерика оборвалась. Словно кто-то повернул невидимый вентиль. Исчез крик, исчезли метания. Евдокия выпрямилась.

— Петр... — произнесла она.

Ее голос больше не звенел. Он стал тихим, глухим, замогильным. Звук словно шел из-под сырой земли. От этой интонации даже у меня, человека с железными нервами из двадцать первого века, ледяные мурашки побежали вдоль позвоночника. Температура в кабинете будто упала на десять градусов.

— Ты же убил нашего сына... — медленно, роняя каждое слово, как камень в колодец, прошептала она. Глаза ее расширились, уставившись в пустоту перед собой. — Ты же убил Алешу... Ты же убил Глебова... Отраду мою последнюю. Ты же заставил меня, в одной тонкой ночной рубашке, на трескучем морозе смотреть, как мой Степан Глебов умирает на колу... Как он мучается тринадцать часов кряду, пока ты глумился...

Сколько концентрированной боли, сколько нечеловеческого страдания было вложено в этот мертвый, монотонный шепот! На секунду на меня навалилась вся тяжесть кровавой кармы Петра Первого.

Я сглотнул подступивший ком, заставил себя вспомнить, кто я сейчас, и попытался перевести разговор в конструктивное русло. Включить прагматика.

— Послушай меня внимательно, — я подался вперед, сцепив пальцы в замок. — Если ты готова перевернуть эту страницу... Если клянешься, что воду мутить и козни строить больше не будешь, я предлагаю тебе сделку. Ты отстроишь свой собственный, новый монастырь. Станешь в нем полновластной настоятельницей. Будешь делать богоугодные дела, помогать сиротам — для отечества нашего дело полезное. Я дам денег. Предлагаю тебе...

Она резко вскинула голову. Ее глаза сверкнули такой бешеной, первобытной яростью, что я невольно вжался в спинку кресла.

— Ты не можешь предлагать, Антихрист! — выплюнула она мне в лицо вместе со слюной. — Дьявол не предлагает, он искушает! Будь ты...

— Рот закрой свой!!!

Я даже не заметил, как вскочил на ноги. Кресло с грохотом отлетело назад. Из моей груди вырвался страшный, клокочущий рык, похожий на рев раненого медведя.

Внутри меня мгновенно вскипела черная, удушливая ярость самодержца, привыкшего к беспрекословному повиновению. Мои кулаки сжались так, что ногти впились в ладони до крови. Захотелось в два шага преодолеть эти шесть метров, схватить ее за тощее горло, сдавить

так, чтобы хрустнули позвонки, и навсегда заткнуть этот источающий проклятия рот. Тело само рванулось вперед.

Но я застыл на месте, тяжело дыша через раздувающиеся ноздри.

Система дала сбой. Инстинкты абсолютного монарха да еще и с явными психическими проблемами со всего размаху разбились о железобетонный блок морали человека из будущего. Воспитание, вбитое в мою подкорку с раннего детства толстым, нержавеющей гвоздем — «девочек бить нельзя, женщин бить нельзя» — сковало мои мышцы параличом.

Если бы на этом стуле сидел мужик, любой самый родовитый боярин, посмевающий говорить со мной в таком тоне, — я бы уже лично выбил ему зубы тяжелым серебряным подсвечником. Но передо мной сидела женщина. Раздавленная, обезумевшая от горя, но женщина. И я, всесильный Император Всероссийский, стоял перед ней с побелевшими костяшками кулаков, не в силах переступить через самого себя.

Я тяжело выдохнул, загоняя гнев обратно, под ребра. Голос мой зазвучал сухо, размеренно и страшно — так зачитывают смертные приговоры.

— Я предлагаю тебе это лишь один раз. Выбор прост. Либо ты занимаешься тем, что вполне дозвоительно бывшей царице: берешь под свое крыло лечебное дело. Учишь повивальных бабок, как правильно принимать роды, чтобы бабы в муках не мерли. Распределяешь лекарей по губерниям, следишь за лекарнями, собираешь пожертвования на это дело. Либо... — я сделал паузу, чеканя каждое слово, — ты отправишься обратно. Но уже не в монастырскую келью. Я прикажу вырыть для тебя полуземлянку в таком медвежьем углу, откуда ты не выйдешь до самого Страшного суда. Там и сдохнешь. В темноте и сырости.

Вот такой милый, почти семейный разговор двух бывших супругов. И я не мог попытаться. Раз решил проводить работу над ошибками, то исправить и эту нужно. Не возможно? Да, уже никак, не вернешь Алешку-сына, не воспитаешь его по-своему, не убережешь от него всех представителей старых элит.

Да и новым элитам по рукам не дашь, что не смели подписывать приговоры Наследнику Престола, пусть к этому времени и самолично отказавшемуся от Престола. Но все еще бывшего моим сыном. А я... посчитал, что Петр, сын мой, который после помер, — он и займет Трон. Но... Бог за грехи забирал моих детей. Может помолиться, что Наташу не забрал?

Евдокия метала в меня глазами черные молнии. Казалось, воздух между нами искрит от ее первобытной ненависти. Но я не отвел взгляд. Смотрел тяжело, не моргая. Если уж я задумал сделать полную перезагрузку этой погрязшей в крови и интригах страны, если решил хоть как-то склеить осколки разлетевшейся вдребезги династии, я обязан был использовать этот шанс. Я должен был попытаться перековать ее из знамени оппозиции в винтик государственной машины.

— Царицей тебе не быть никогда, — добил я, видя, как она сжала тонкие губы. — И если кто-то из недобитых бояр вздумает к тебе шастать, как когда-то тайком бегали к Софье Алексеевне, чтобы стрельцов на бунт поднимать... выжгу каленым железом всех. Костей не соберут. К тебе будут приходить только доктора. И чиновники, которым ты будешь отдавать распоряжения. И они будут выполнять твою волю беспрекословно. Но лишь в том случае, если воля эта будет направлена на спасение жизней и усиление нашего Отечества. Решай, Евдокия. Или мы договариваемся, или видимся с тобой в последний раз.

Не дав ей ответить, не позволяя оставить за собой последнее слово, я резко поднялся с кресла, развернулся на каблуках и вышел из кабинета.

В коридоре я прислонился разгоряченным лбом к холодному мрамору стены. Пусть она и была бывшей, пусть давно превратилась в политический труп, но даже настоящий Петр не решался на то, чтобы где-нибудь в Шлиссельбурге ее просто тихонько придушили подушкой. На нее все еще смотрела, как на икону, та затаившаяся часть старой Руси, что не желала принимать новые условия игры. И сейчас я швырнул им всем кость, о которую они сломают зубы.

— Будь проклят, Ирод! – крикнула она вслед.

— Или согласие, или долгая и мучительная смерть и ты внуков не увидишь, – сказал я, уходя.

Я прошел в свои рабочие покои. Не успел я налить себе лимонной воды, как из-за портьеры, словно серая тень, вынырнул Остерман.

— Ваше Императорское Величество... — голос вице-канцлера, обычно бесстрастный и гладкий, как шелк, сейчас слегка подрагивал. — Я правильно понимаю, что здесь, в Зимнем дворце... Евдокия Федоровна Лопухина?

Он произнес ее имя так, словно я приволок во дворец не свою бывшую жену, а огнедышащего дракона или больного чумой. В глазах умнейшего интригана империи плескался неприкрытый, почти мистический животный страх.

Я медленно опустил кубок на стол и с усмешкой посмотрел на своего министра.

— А чего это у тебя поджилки трясутся, Андрей Иванович? Сквозняк пробрал?

— Так не токмо у меня, Ваше Величество! — Остерман нервно сглотнул, забыв о своей обычной дипломатичной изворотливости. — Весь двор не понимает, что происходит! Это выглядит... пугающе. Вы отменили ассамблеи, хотя пришло их время. Вы приблизили к себе княжну Кантемир, но при этом... вызываете из заточения Лопухину! Извольте знать, государь: некоторые наши вельможи уже сегодня утром спешно направили прошения с визитами к дальним родственникам рода Лопухиных! Так, на всякий случай. Стелют солому.

Я мысленно выругался. Господи, ну что за серпентарий! Может, я, как человек из другой эпохи, чего-то фатально не допонимаю в местном политесе? Для меня это была чисто прагматичная задача: вытащить пожилую монахиню из тюрьмы, предложить ей построить монастырь и организовать на его базе первое в России высшее медицинское учебное заведение и акушерскую школу — то, чего империи не хватало просто катастрофически. Это же логика аудитора: есть простаивающий ресурс — нужно пустить его в дело. Она какая ни есть, но бывшая царица. Ей по силам и деньги собрать на такое дело и воли хватит на богоугодные деяния.

Но для двора мой шаг оказался разорвавшейся бомбой. Осиное гнездо загудело. Даже свехосторожный Остерман, привыкший ходить исключительно тайными тропами и говорить полунамеками, прибежал ко мне с вытаращенными глазами.

— А ты уж ищи, как успокоить этих крыс, Андрей Иванович, — жестко оборвал я его панику. — Хотя я давал тебе конкретные государственные задания, и ты должен заниматься именно ими, а не вибрировать на острие любопытства моего двора.

Я подошел к Остерману вплотную. Он инстинктивно вжал голову в плечи.

— Слушай меня внимательно и вникай в суть. Мне нужно, чтобы мой наследник, мой внук Петр Алексеевич, перестал смотреть на меня волком. Чтобы он перестал меня ненавидеть за смерть своего отца. Он должен увидеть бабку. Должен иметь возможность свободно с ней говорить. Это первое.

Я загнул палец, глядя прямо в бегающие глаза Андрея Ивановича Остермана.

— Второе. Простой народ, да и то новое служилое дворянство, на которое я опираюсь, должны увидеть: семья у царя есть. Да, разваленная. Да, покалеченная. Но я, как государь и как муж, пытаюсь собрать ее вновь. Я строю империю, Остерман! А каким, к черту, может быть всесильный государь, если он собственную бывшую жену держит в яме, потому что до одури боится ее влияния?! Слабым. А я — не слабый. И ты пойдешь сейчас и донесешь эту простую мысль до каждого дрожащего царедворца. Понял меня? — по мере того, как я говорил, голос мой все больше наполнялся металлом.

Я отмахнулся, обрывая Остермана. Нечего попусту лясы точить. Хотя...

— Найди того, кто организует послезавтра ассамблею, — бросил я Остерману в спину. — Пусть приходят все. Но предупреди строго: никаких Бахусов, никаких «Всешутейших и всепьянейших соборов» и пошлых шуток и цыцок голых, как и седалищ я больше терпеть

не стану. Мы не скоморохи, и мы — люди православные. Нечего нам церковь христианскую хулить ради пьяной забавы. Вот на этих основах и передай мою волю. Пусть готовят прием.

Действительно, двору нужно было дать немного отдушины. Слишком большие события произошли, слишком круто и быстро я взялся за преобразование России, за работу над чудовищными ошибками своего предшественника. Напряжение в воздухе можно было резать ножом. Если уж надо кому-то выпить и выдохнуть — пусть напьются.

“Правда, — мысленно хмыкнул я, — кое-кому придется запретить даже нюхать водку. Тому же генерал-прокурору Павлу Ягужинскому. Иначе «око государево» опять уйдет в глухой недельный запой, а я останусь без контроля над Сенатом”.

— И завтра же по утру я жду тебя и других, кого скажу... Мне не по нраву все те бумаги о державе моей, что мне дали. Они противоречат себе, писаны дурно и словно во хмели. Разбираться станем. Я — император, и не ведаю, что в державе моей творится. Никто не ведает! — сказал я.

Разобравшись с Остерманом, я вернулся в кабинет. Евдокия сидела всё так же, неподвижно, словно изваяние из черного камня. Я остановился напротив.

— Ну что, Евдокия, согласна ли ты?

— Я на всё согласна... — произнесла она надломленным, но удивительно спокойным голосом. Ненависть в ее глазах сменилась затаенной мольбой. — Лишь бы ты только разрешил мне видиться с внуком моим.

— Да, видиться с Петром ты будешь, — сухо кивнул я. — Но только если станешь вести себя как любящая бабка, которая пришла навестить родного внука. А не как озлобленная баба, которая будет шептать ему по углам яд и за отца Алексея мстить учить. Хоть одно слово поперек моей воли скажешь Петру Алексеевичу — весь наш уговор станет ничтожным.

Я коротко, брезгливо махнул рукой гвардейцам, давая знак, чтобы вывели прочь бывшую царицу.

Уже в самое ближайшее время я дам канцелярии жесткое распоряжение: начать закладку женского монастыря нового толка. Будем искать кадры, чтобы учить наших баб правильному повивальному делу. И свои наставления я тоже напишу — прежде всего, о санитарии и кипячении инструментов при этом процессе.

А то в России сейчас каждые вторые роды на грани смерти: гибнет либо младенец, либо мать, и всё это исключительно из-за непролазной грязи и чудовищного непрофессионализма тех, кто эти роды принимает. Я, как человек из будущего, знал цену мытью рук.

А пока... пока я просто не хотел видеть Евдокию. Одно ее присутствие вызывало во мне глухой, тяжелый негатив. Я даже не думал, что подобная физическая неприязнь возможна. Копаясь в остатках подсознания прежнего Петра, я силился понять: за что же он так истово, до нервной дрожи ее ненавидел? И интуиция подсказывала мне: тут явно не обошлось без влияния властной покойной матушки государя, Натальи Кирилловны Нарышкиной, методично сстраивавшей невестку с сыном.

Будь моя первая жена хоть немного адекватнее, она бы присутствовала сегодня на семейном обеде. А так... в узкий круг семьи, которой я начинал по-настоящему дорожить и которую по крупницам старался собирать за общим столом, она не входила. Слишком много ядовитой желчи, слишком много въевшихся страхов и смертельных обид.

Серебряные приборы тихо звякали о фарфор. Я сидел во главе стола, чувствуя себя странно умиротворенным после тяжелого утра.

— Петр, как тебе новые твои наставники? — спросил я, замечая краем глаза, как вышколенный лакей аккуратно накладывает мне на блюдо рассыпчатую рисовую кашу с нежной, тающей во рту тушеной говядиной.

Мальчишка — наследник огромного российского престола, будущий император Петр II — поднял на меня внимательный, еще по-детски настороженный взгляд.

— Еще не ведаю, дедушка... — ответил он с серьезностью, не свойственной его юным годам. — Но уж точно лучше, чем те, что были.

За столом, несмотря на изысканные блюда, а подавали голубей по-французски, правда я ел куда как проще, в воздухе витала тяжелая недосказанность. Напряженность и скованность можно было резать ножом. И я прекрасно понимал причины этой семейной жеманности. Вернее, видел сразу две причины — приглашение во дворец Кантемир и Лопухиной.

Я отложил серебряную вилку.

— Мы можем поговорить откровенно, — негромко, но веско обратился я ко всем присутствующим. — Что беспокоит вас? Вы — моя семья. Скрывать от вас что-либо я не собираюсь. Из того, что семьи касаются, но не дел державных.

Анна Петровна приоткрыла было рот, собираясь что-то спросить, но благоразумно передумала. Приняла безопасную позицию слушательницы. Но в этом узком коллективе точно была особа, которая не преминет ударить прямо в лоб.

— Батюшка, — Елизавета не заставила себя долго ждать, дерзко вскинув подбородок. — А нам пора уже Марию Дмитриевну Кантемир называть мамой?

«Вот же курва златовласая!» — мысленно ахнул я от такой прямолинейности. Ей палец в рот не клади — откусит по локоть. Впрочем, гены брали свое.

— Нет, — отрезал я, глядя ей прямо в глаза. — И вы должны твердо знать: мать у вас одна. А мои с ней отношения касаются вас в наименьшей степени. Я буду против вашего общения с Екатериной лишь в одном случае — если узнаю, что вы вместе чините супротив меня и державы моей зло. До этих пор — просто предупреждайте меня о том, что отправляетесь к матери. Особого зла я на нее не держу. И не казнил оттого, что и доброго она мне сделала не мало. Вот... вас сделала мне на потеху. Но рядом со мной ее больше не будет.

Я обвел взглядом притихших детей и внуков, расставляя все точки над «і». Или не все?

— Я побывал там... — я поднял указательный палец, указывая на расписной потолок, подразумевая свой предсмертный бред и то, что скрывалось за гранью. — И я хочу хоть что-то исправить на этом свете. Марию Кантемир я обидел жестоко, как и многих женщин, что имели несчастье быть рядом со мной. Ее — в особенности. Потому она здесь. Потому я пригласил сегодня и Евдокию Лопухину. Но вы должны уяснить главное: ближе вас у меня никого нет и быть не может. Всё, что лежит у вас на сердце, вы должны обсуждать со мной открыто, чтобы между нами не плодилось гнилых недомолвок. А я буду с вами столь откровенен, насколько это не повредит нашей державе.

За столом повисла тишина.

— Батюшка, а когда уже придет ответ от жениха моего саксонского из Франции? — вдруг невинно похлопав пушистыми ресницами, спросила Елизавета.

Я мысленно усмехнулся. Далеко не глупая девочка. Она всё прекрасно поняла, считала мои границы и мгновенно решила увести разговор в другое русло, понимая, что обедать в такой тягостной атмосфере невыносимо.

— Думаю, на днях гонец будет. И ответ будет для тебя одобрительным, — я позволил себе легкую, теплую улыбку. — Такую красавицу, как ты — если француз, конечно, не ведает, какая ты на самом деле невыносимая язва, — любой муж захочет в свой дом забрать.

За столом раздались сдержанные смешки. Улыбнулись все, кроме самой Елизаветы, которая картинно надула губки, хотя в глазах плясали смешинки. Лед тронулся.

Остаток обеда прошел в живой беседе. Мы немного поговорили о науках: я расспрашивал, что хотели бы изучать Петр Алексеевич и Наталья Алексеевна, как они видят свои уроки. А под конец трапезы я обрадовал детей, попутно выстраивая новую государственную рассадку — прямо как на совете директоров.

— Послезавтра будет большой прием. Не пьяная ассамблея, как это бывало всегда, а нечто совершенно иное. Лицо новой империи. И я хотел бы, Лизетка, чтобы ты сплясала русскую. Утрешь нос иностранным послам. А главное — я хочу, чтобы вы все там были.

Я строго посмотрел на наследника:

— Ты, Петр Алексеевич, весь вечер будешь сидеть по правую руку от меня. Анна и Лиза — по левую. Наталья, ты сядешь рядом с братом. Мы — семья. И завтра Двор должен это увидеть.

Все должны видеть семью императора и четкую преемственность наследования Престола. Нельзя допустить череды переворотов, как это было в иной реальности.

Глава 2

Петербург.

8 февраля 1725 года.

Признаться честно, сперва я совершенно недооценивал истинное политическое значение того, чем в эту эпоху является обычный дворцовый бал. Поначалу казалось — ну танцы, ну шумная пирушка, дежурное общение с двором. Но, поразмыслив, я понял: особенно по нынешним временам это важнейший государственный инструмент.

Бал — это роскошная витрина. Это возможность воочию показать послам и элитам, что царь жив, что я не болею и крепко держу скипетр. Показать, что в императорской семье жизнь налаживается, а во всей огромной империи дела идут вовсе не так уж плохо. И главное — продемонстрировать всем, что я, Петр Алексеевич, нахожусь в здравом уме и лично, полноценно воспитываю наследника Российского престола, своего полного тезку.

Помнится мне из истории, что когда случилась военная трагедия в Цусимском сражении, то, наверное, чтобы перекрыть возмущение от события, русские газеты написали-таки о болезни наследника Престола, Алексея Николаевича. И криков было... Трон и самодержавие тогда сильно стали шататься. Так что кто наследует, будет ли преемственность власти и курса, не окажется ли так, что страну ждут потрясения — это очень важное, вопросы, на которые правители обязана давать четкие ответы.

Когда все эти мысли стройной чередой прокрутились у меня в голове, я внезапно осознал всю колоссальную тяжесть и важность предстоящего события. Тот тон приемов и балов, который я задам прямо сейчас, своими указами, неизбежно станет той самой лакмусовой бумажкой.

Именно по ней будущие историки и потомки станут мерить этот период моего правления. А в том, что мое царствование будут делить на «периоды», я уже не сомневался. Прямо сейчас я запускал слишком много глубинных процессов, чтобы въедливые исследователи из будущего не смогли разглядеть в них новый этап: в чем-то — еще более радикальный, а в чем-то — осознанный откат назад, торможение прежних, слишком уж кровавых реформ.

А ведь это только начало. Будут такие реформы... Вот только освоится, увидеть в системе, что она меня не пожрет, если стану радикально менять жизнь, вот и начну. А пока у меня только утвержденная уже Рота почетного караула и один телохранитель — вот и все силы, на которые я могу безусловно опираться. Гвардия? Так она показала, что уже продается. Можно и нужно следить за тем, чтобы не нашлось ухаля, который ее купит против меня. Но это не абсолютная защита.

И только что я прикидывал на бумаге, используя труд сразу трех писарей, какие еще гвардейские соединения можно и нужно ввести, чтобы старые гвардейцы осознали конкуренцию и больше думали о том, чтобы оставаться элитными войсками, чем об интригах.

Но сейчас я занимался тем, чем никогда ранее в жизни. Я влез в процесс организации массового мероприятия. И не мог поступить иначе. Раз уж Россия меняется, то пусть сразу заложу некоторые особенные изменения, тем более, что как я считал, они не так уж и глубокие и придутся по душе многим придворным.

Я остановился посреди кабинета. Тяжелые шаги стихли.

— «...в наряде своем повинны иметь явную русскость: будь то кокошник шитый, но не диадема и не короной, платок узорчатый, али еще какая вещица, на женщину надетая. Корсеты не обязательны, как и белила, почитай, что и не желательны. Лица же мужского пола повинны явиться строго в мундирах, ежели они служащие в армии или на флоте. Но!» — я поднял палец, чеканя каждое слово. — «Но без пудренных буклей и без нелепых париков!»

В этот раз я диктовал указ не простым писарям, а лично Алексею Бестужеву. Секретарь сидел за дубовым столом в свете подрагивающих свечей, и только скрип его гусяного пера нарушал тишину.

Я специально хотел увидеть его живую реакцию на подобное, весьма нестандартное для «старого» Петра поведение. Поэтому всех штатных писарей я сегодня милостиво отпустил по домам, к семьям. Полагаю, их жены пуще всего на свете ненавидят меня за вечные ночные бдения мужей во дворце.

Впрочем... может быть, наоборот, ставят свечи в храмах и молятся за мое спасение и здоровье? Ведь жалование я положил всем писарям отменное. А молодому Луке-Скорняку, самому прозорливому, образованному и быстрому из всей шестерки — так и вовсе выписал оклад как строевому полковнику.

Я сделал долгую, давящую паузу. Заложил руки за спину и в упор посмотрел на склоненную голову Бестужева, давая ему понять: сейчас самое время высказаться. Я проверял его. Хотел услышать, считает ли он вообще правильным то, что я творю с многолетними традициями.

Бестужев замер. Перо остановилось на полуслове, на конце пера набухла черная капля.

— Чего молчишь? — негромко, но требовательно спросил я у своего секретаря.

Алексей медленно отложил перо, аккуратно промокнул чернила песком и поднял на меня умные, цепкие глаза.

— Ваше Императорское Величество... так ведь и сказать супротив нечего, на то воля ваша абсолютная, — мягко начал он, тщательно подбирая слова. — А токмо смею полагать, что по нраву двору придется то, как вы видите в этот раз ассамблею проводить. Пожившие подданные ваши, старики седые, так и вовсе Бога молить будут за такие приемы! Им не по нраву жмущие одежды европейские.

Бестужев позволил себе скупую, понимающую улыбку:

— Здоровье-то у них уже не то, государь. Как бывало, что целыми штофами водку жрать по принуждению да отплясывать до утра — они уже не могут. У кого ноги пухнут, у кого поясницу ломотой схватывает, а иные, наплясавшись, потом неделями сердцем маются да кровью харкают.

Я молча кивнул, глядя на огонек свечи. Да, я и сам так думал. Чего греха таить — знаменитое самодурство исторического Петра Великого, его маниакальное требование, чтобы на ассамблеях все до единого были мертвецки пьяными, да еще и отплясывали до седьмого пота, было не чем иным, как изощренной, садистской пыткой для старых придворных.

Конечно, будет недовольна молодая поросль. Те самые юнцы, что уже успели воспитаться на этих диких, пьяных ассамблеях, чье мировоззрение вбивалось в них моими же палками за нерадивую учебу за границей. Они привыкли к разгулу и чужеземным нарядам. Но эту молодежь нельзя упускать. Их нужно мягко, но жестко брать в узду.

Слепое идолопоклонство Западу — на мой взгляд, это совершенно не то, что нужно будущей могучей России. Мы не обезьяны, чтобы бездумно копировать чужие кривляния в париках. Не так уж много чего нам осталось взять оттуда, чего нет у нас самих. Только технологии, науки да ремесла. И то, есть направления, где и мы впереди, чего только стоит станок Якова Батищева, который преступно затирается и не используется на производствах, если только в Туле.

Нашу душу и лицо нужно сохранить свои. Русские. Наша цивилизация, евразийская. И своими, как говорит мне история, ни на Западе, ни на Востоке, мы не будем. Мои своих только для себя и на этом стоять нужно крепко.

Потому империя сильна должна быть, чтобы и культурный код не подменить, потому мы, даже в таких сложных условиях обязаны расширяться. И не только в ресурсах вопрос, но и в культурной, цивилизационной силе.

Конечно, что касательно моды — впадать в крайности тоже не стоило. Нет никакой практической пользы в том, чтобы заставлять двор уйти обратно в допетровскую старину, заставляя людей кутаться в многослойные балахоны, тяжеловесные сарафаны и потеть под огромными медвежьими шапками. Нужна была золотая середина.

И тут в моей голове, словно мутная, липкая волна, всплыло воспоминание реципиента — самого исторического Петра. Одна из любимых забав прежнего государя, окруженного стаей вечно пьяных балагуров — в первую очередь Меншиковым и шутком князем Гагариным. Воспоминание о том, как знатные дворянки и купеческие дочери приходили на бал.

Казалось бы, ничего такого страшного. Глубокие, в пояс, поклоны перед монархом в Российской державе — вполне обыденное, уставное дело. Но был один мерзкий нюанс.

Дело в том, что при новых, навязанных Европой фасонах, было крайне сложно подобрать женщинам и девушкам такие корсетные платья, чтобы при глубоком поклоне их груди попросту не вываливались наружу.

А пьяные, красные рыла царских сподвижников — включая и мое собственное! — радостно гоготали над этим конфузом и над тем, как пунцовеет от стыда несчастная девка. Порой кто-то из захмелевших вельмож срывался с места (если этого не успевал сделать первым сам я) и начинал слюняво, в десны лобызать до того ни разу не тронутую мужчиной, насмерть перепуганную девицу.

И всем, черт возьми, весело! А что самое страшное — родители этих девушек, прекрасно понимая, что всё это неизбежно случится, сами делали всё, чтобы конфуз произошел. Ибо они знали: если вдруг груди молодой женщины останутся благопристойно скрыты, император изволит гневаться. Решит, что им брезгают. Запомнит, затаит злобу, и потом ни в чинах отцу не даст продвинуться, ни семью не пощадит.

От одной только этой мысли меня сейчас взяло реально физическое отвращение. Понятно, что другие времена и дикие нравы, но я категорически не хочу вот так, ни за здорово живешь, унижать и ломать людей. Одно дело за нерадивое исполнение своих обязанностей. Но когда унижение для потехи — это перебор.

— ...и следить строго, дабы при поклоне низком титьки у дам из платьев не вываливались! — жестко, чеканя слоги, продолжил надиктовывать я указ Бестужеву.

Сказал — и сам внутренне рассмеялся. Я прямо воочию представил, как маститые академики и историки из далекого будущего, поправляя очки, будут на полном серьезе изучать этот государственный документ Петра Великого. Указ про «титьки», ляжки, прыщи, пудру и всё остальное. Диссертации еще защитят!

— Слово «титьки», используемое с том документе свидетельствует... — так и слышу речь на защите докторской диссертации в двадцать первом веке.

Но вот здесь, находясь внутри самой эпохи, понимаешь: подобные указы — совершенно не смешные. И такие пикантные вещи лучше прямо повелеть и закрепить на бумаге с сургучной печатью. Потому что не будет жесткого уточнения — и всё продолжится ровно так же, как и было. Привычка — вторая натура.

Удивительно, сколько моего монаршего времени отнимает подготовка к банальному балу. Но с другой стороны, этот бал — не просто танцы. Это проекция нового мира. Выбор цивилизационного подхода, закладывание культурного кода нации. Это, в конце концов, вопросы демографии. Тут складываются брачные союзы, присматриваются к дочерям вельмож, себя показывают.

Да и, честно говоря, вопросы конкретно гигиены беспокоят, а они напрямую завязаны и на нормах приличий. До реформ Петра Великого сифилис (или «французская болезнь») на Руси был редчайшей экзотикой, поражавшей в основном заезжих иностранцев да портовых девок. А сейчас? Не сказать, конечно, что повально все при дворе гниют заживо, но больных

уже пугающе много. И виной тому именно эти, насаждаемые сверху, беспорядочные половые связи под видом «светских ассамблей».

— Сколь девиц... гхм... нимф, простите, прикажете приглашать-с, Ваше Императорское Величество? Каковых? Светлых, аль темных? — спрашивал на голубом глазу мой секретарь.

Голос Бестужева вырвал меня из раздумий. Основной текст указа о правилах устройства приемов при императорском дворе был закончен, и теперь он перешел к негласным протоколам.

— А вот этой грязи чтобы на моих балах не было вообще никогда! — резко отрезал я, смерив Бестужева тяжелым взглядом.

Я прекрасно понял, о чем идет речь. На ассамблеи традиционно приглашалось немало женщин с пониженной социальной ответственностью, которые являлись в более чем откровенных нарядах и были готовы обслужить любого и каждого в темных углах дворца.

Но по заведенному порядку, прежде всего сам император должен был выбрать одну или двух «нимф», зайти с ними за ширмочку или в соседнюю комнату и по-быстрому сделать там свое мужское дело. Ну грязно же... Зачем такое? И дело не в том, что я пока, или уже и навсегда, лишен подобного сомнительного удовольствия... Противно и все тут.

Хотя эти девицы играли свою роль. Царь меньше на девиц знатных заглядывал. И лишь потом, увидев, что царь вернулся за стол довольный и сбросивший напряжение, знатные отцы могли спокойно выдохнуть. Только тогда они считали, что их дочери на сегодня в безопасности от царского либидо, и могли предаваться настоящему веселью на празднике.

— Никаких нимф, Алексей. Вычеркни, — твердо повторил я. — Двор должен стать чище. Во всех посмыслах. Сильно много грешим. И мне сказано было о том, когда послали с небес править снова Россией.

Ведь что творилось раньше? Это же было совершенно недопустимо. Даже если эти женщины с пониженной социальной ответственностью являлись благородными дворянками (а бывало и такое), старый Петр пускал на ассамблеи любой сброд. Главное правило было одно: чтобы гость был хоть как-то прилично одет.

Раньше я — точнее, тот Петр, чье тело я занимаю — искренне любил, чтобы на балы заваливались простые иностранцы, шкиперы и даже обычные портовые матросы. Сейчас я в этой «любви» очень сильно сомневаюсь, но факт остается фактом.

Эти забулдыги брали в аренду чужие потертые камзолы только ради того, чтобы проникнуть во дворец, наестся от пуза за императорский счет, напихать во все карманы жареного мяса, втихаря прихватить с собой бутылку дорогого рейнского вина или водки и сбежать. Часто так и с серебром столовым. А потом сидеть в трактире, чувствуя себя великолепными хитрецами: мол, как ловко они обманули и обобрали пьяного московитского царя-дурака!

Хватит. Дворец империи — не портовый кабак.

— А теперь иди, Бестужев, — я устало потер переносицу, обрывая диктовку. — Иди и объяви всему двору мою волю. Пусть стонут, пусть думают, как теперь выкручиваться с нарядами и политесом, но прежних безобразий я больше не потерплю.

Алексей поклонился, собрал исписанные листы и, стараясь не стучать каблуками, выскользнул из кабинета.

Я остался один в полумраке, вслушиваясь в тишину дворца. Был в этой отмене пьяных оргий и еще один, крайне важный для меня политический нюанс. Мне жизненно необходимо было показать определенным силам, что я несколько смягчился. Что я больше не возношу языческую хвалу богу пьянства Бахусу, и что откровенных свальных грехов под моим «чутким» руководством во дворце больше не происходит.

И показать это нужно было в первую очередь церковникам.

Прямо сейчас я втайне организовываю колоссальную атаку на церковников и независимость Церкви. Уже совсем скоро состоится расширенное заседание Святейшего Синода, на

котором я поставлю вопросы ребром. И к этому моменту мне стратегически выгодно продемонстрировать им, что государь изменился в лучшую сторону.

Что меня уже вряд ли назовешь в проповедях «Антихристом». Я должен показать, что готов меняться и больше не намерен откровенно издеваться над верой своими кощунственными «Всешутейшими и Всепьянейшими соборами». Я выбивал из рук духовенства их главный козырь — мое собственное аморальное поведение.

Да, для меня это так себе поблажка, больше идеологическая ширма, чем практическая уступка. Но это лишь часть плана. С одной стороны — благопристойность и отказ от богохульства. Но с другой — жесткая экономика, урезание монастырских земель. А с третьей — пухлые папки с компроматом на иерархов, которые прямо сейчас усердно собирает Тайная канцелярия Антона Мануиловича.

Всё это вместе должно пробить вековую плотину. Только так можно будет прийти к серьезному, окончательному решению и по поводу раскола со старообрядцами, и в целом определить дальнейшее существование Православной церкви в государстве. Церковь должна стать частью империи. Она обязана участвовать в делах государственных, а не отстраняться от них, строя государство в государстве. Она должна стать управляемым политическим институтом, надежной опорой моего трона, а не его вечным, скрытым конкурентом.

— Ваше величество, пришли, – сообщил мне Корней.

Я знал, кто именно. Злорадно усмехнулся, глядя на Бестужева.

— Ну что, Алексей Петрович, давно ли ты за ученической скамьей не сидел? – издевательски спросил я.

— Уволь, государь, но...

— Противиться станешь, так и уволю... со службы, – потом повелел Корнею. – Вели всем заходить.

Глава 3

Петербург

8 февраля 1725 года

Я точно злой правитель. И такой... с извращениями. Нет бы палкой по горбу огреть кого, или нос разбить, в тюрьме для профилактики подержать на голодном пайке, а еще и здоровый зуб в свое удовольствие выдрать... То есть, быть, как нормальный русский самодержец, тело которого я и занял.

Нет... Я издеваюсь над людьми по-своему, куда как страшно и жестоко. Я заставляю из учиться элементарному менеджменту. Да чтобы хоть приказы формулировали и цели правильно. Да проблемы могли выявлять, как и пути их решений. Это ведь жестоко? В ранге жестокостей стоит где-то между посадкой на кол и четвертованием.

Иначе я не могу понять, почему такие кислые рожи у собравшихся. Их что убивать будут?

— Итак, господа. Надежда и опора русского Отечества. Начинаем учиться, — негромко, но веско произнес я.

Произнес — и с мрачным удовольствием наблюдал, как мои слова не просто смущают этих закованных в бархат и золото людей, а вгоняют их в густую, почти юношескую стыдливую краску. Воздух в кабинете внезапно стал тяжелым. Высшие сановники Российской империи, седые интриганы, полководцы и министры опускали глаза и нервно теребили кружева манжет.

Как же так? Учиться — им?! Людям, чьи имена заставляют трепетать половину Отечества нашего, о которых ведут разговоры в европейских столицах?

В их понимании это было совершенно не по чину. Удел школяров, недорослей да мелких подьячих. Я был абсолютно уверен: скажи это не я, а хоть кто-то другой, посмей он усадить их за парты — и этого смельчака мгновенно заклеямили бы, предали анафеме, открыто послали бы к черту, а вдогонку еще и заплевали бы спину, пока бедолага спасался бы бегством от их тростей и шпаг.

Но учиться их призвал я. Государь. И им оставалось только потеть и молча глотать унижение.

— Запомните одно правило, господа, и всем другим передайте, — я медленно прошелся вдоль длинного стола, заглядывая каждому в глаза. — Век живи — век учись. Если сановник решит, что он стал донельзя мудрым, если перестанет учиться и решит, что достиг потолка — такой человек становится мертвым грузом. Он пропащий. И для империи, и для самого себя. А вы у меня — не пропащие. Я вам пропасть не дам.

Идея собрать класс вот таких вот «элитных учеников» — из хитроумного Андрея Остермана, непроницаемого Алексея Бестужева, сурового Миниха, Девиера, и еще доброй дюжины высших чиновников — пришла ко мне не сразу. Впрочем, учитывая тот бешеный ритм, в котором я начал жить и перекраивать страну, по местным меркам я принял это решение просто молниеносно.

Здесь, в восемнадцатом веке, жизнь вообще протекала крайне медленно, размеренно, как патока. Но, вызывая изо дня в день то одного, то другого министра к себе на доклад, я сделал для себя важнейшее открытие. Они не были дураками. Наоборот, это были люди от природы дьявольски умные, хваткие. Организаторские способности у многих из них были развиты великолепно — у кого на интуитивном уровне, у кого выкованы кровью и потом на собственном опыте.

Но им катастрофически не хватало системного мышления, элементарных знаний, а кому и опыта. Но не только своего. Тут я имею ввиду, что нужен опыт чужой, чтобы быстрее развиваться. Вот... На то здесь и я.

Да и после легче будет, когда пои указы и приказы хотя бы будут пониматься исполнителем. Так что учимся...

Они привыкли принимать государственные решения, опираясь исключительно на какое-то свое внутреннее, звериное чутьё. Для меня же, человека из будущего, внутреннее чутьё — это лишь эмоциональный триггер. Сигнал, который должен заставить менеджера еще раз поднять бумаги и всё досконально пересчитать. Но это никак не главный и не единственный аргумент!

В остальном же чиновники нынешней эпохи, как по мне, просто не умели работать. Понятие, базисное, с чего вообще стоит начинать трудовую деятельность, «рабочее место», для них не существовало. Чтобы всё было под рукой, чтобы бумаги двигались по регламенту — ничего подобного. Понятия «делегирование» не было в принципе — их подчиненные никогда точно не знали, что, в какие сроки и как именно им делать, пока барин не гаркнет и не ударит палкой. Всё держалось на ручном управлении и страхе.

И действительно, глядя сейчас на сидящего передо мной с хмурым, каменно-немецким видом исполняющего обязанности генерал-губернатора Петербурга, Христофора Антоновича Миниха, я вспоминал знаменитую фразу, которую позже припишут его потомки, вроде бы как сын: «Россия управляется непосредственно Самим Богом, иначе объяснить ее существование невозможно».

Лучше и не скажешь. Пора было это менять. Заменять божественное вмешательство жестким регламентом. Верить в Бога, но и сам не плошать, не увеличивать объемы работы Господу.

— Обратите внимание на стол перед вами, — я прервал затянувшуюся паузу и указал на разложенные предметы. — У вас в руках — карандаши. Вещь редкая, заморская и весьма дорогая. Будьте с ними предельно аккуратны, не грызите древки и не ломайте грифель. Не хотелось бы, чтобы ваше обучение влетало казне в лишние сотни рублей.

Ну первоклашки... право слово. Милые ребятки, которым нужно объяснять прописные истины. Может еще поговорим, что в штанишки не хорошо писать?

Пока я умилялся, сановники с опаской, словно ядовитых змей, брали в руки тонкие графитовые палочки, зажатые в дерево.

— С этого дня порядок такой, — чеканя слова, произнес я. — Если я приказываю что-то записать, расчертить или зарисовать — вы это делаете немедленно. Я буду диктовать, вы будете вести конспект. Конспект изложения. А потом по этим записям вы будете внедрять мои приказы в своих ведомствах шаг за шагом. Без отсебятины, основываясь на том, что здесь прозвучит.

Сказав это, я еще раз обвел тяжелым взглядом притихший кабинет. Богато одетые, увешанные орденами, мужи сидели сгорбившись над чистыми листами бумаги, сжимая драгоценные карандаши потными пальцами.

Я вдруг поймал себя на ироничной мысли: теперь в исторических байках ко всем сумасбродствам и откровенно диким поступкам моего предшественника — стрижке бород, вырыванию зубов плоскогубцами и свадьбам карликов — гарантированно прибавится еще один монарший бзик.

Ибо то, что происходило прямо сейчас в этом кабинете, ничем иным, кроме как изощренным насилием и пыткой, для этих людей считаться не могло. Я ломал их спесь через колено. Я учил их чертить графики.

Для меня, человека из другой эпохи, было физически невыносимо мириться с тем, что происходит. Это не могло считаться нормальным: я, глава государства, ставлю перед аппаратом управления конкретную, казалось бы, прозрачную задачу — и кристально ясно понимаю, что мои нынешние кадры ее просто не решат. Не из-за саботажа или злого умысла. Компетенция

не та. Непробиваемая стена невежества и просто непонимания, как что работает и как работать должно.

Причем люди-то передо мной сидели весьма прозорливые, хищные, способные. Я был уверен: достаточно их немного направить, дать базовую систему. Показать, как правильно работать с информацией, как выстраивать рабочий график, как ставить задачи подчиненным и как с них потом требовать. Дай им то, что вдалбливают студентам на любом приличном факультете менеджмента в двадцать первом веке, — и уровень их исполнительности и профессионализма возрастет кратно.

Но в реальности, к моему огромному сожалению, не получается так, что ты просто издал указ — и по взмаху волшебной палочки, как в доброй сказке, всё само собой организовалось. Хотя, признаюсь, первоначально я пытался действовать именно так: рубил сплеча, требуя немедленного результата.

Спесь с меня сбила сама местная бюрократия. Я ведь всегда считал себя очень опытным управленцем, въедливым аналитиком, способным найти иголку в стоге сена и нужную циферку в тоннах макулатуры.

И вот этот «гений сыска» на днях попытался сам вычленив суть из приказных столбцов, чтобы составить для себя удобоваримую аналитическую записку. Я потерпел сокрушительное фиаско. Я просто утонул в их словесных кружевах. Стало ясно: прежде чем требовать аналитику, мне нужно научить своих подчиненных эту аналитику собирать и предоставлять.

Нет, я конечно доведу дело до завершения, аудит будет проведен. Но тут же нужно будет начинать новый, ибо, как я надеюсь, вырастет компетенция исполнителей и статистика может приходить уже более точная, достаточная, чтобы я, наконец, задумался о стратегическом планировании. А не жить так, как сейчас — оперативно, как пожарники тушить пожары, не так чтобы понимая, что там в будущем должно быть.

Я встал из-за стола и подошел к предмету, который вызывал у сановников не меньше трепета, чем плаха. Ученическая доска.

— Итак, господа, начнем мы с вами с самого простого, — произнес я. — Хотя в нашем деле это зачастую самое главное. Нужно уметь находить корень сложности. Или, как мы теперь будем это называть, выявлять и структурировать проблему.

Я резко развернул к ним черную ученическую доску. Доску, к слову, сделали из рук вон плохо — наспех сколоченные доски покрасили какой-то дрянью, так что мел крошился, а стирать его приходилось с большим напряжением сил. Но какую уж успели сделать мастера здесь, в условиях зимы, так еще и во дворце, куда тащить столярные инструменты было не принято.

Я немного покуражился. Взял кусок мела и под напряженными взглядами министров нарисовал на черном фоне угловатую рыбью голову. Мел противно скрипнул.

— Есть скелет рыбы, — спокойным, менторским тоном, как добрый учитель (пока еще добрый), начал я. — Вы все его видели, когда изволили кушать шуку или осетра. Голова, — я постучал мелом по рисунку, — это та самая главная проблема, та сложность, которая прямо сейчас стоит перед вами. А от хребта отходят кости. Допустим, сегодня мы препарируем флот...

Я начал чертить от головы длинную горизонтальную линию хребта, пририсовывая к ней косые «ребра». Диаграмма Исикавы. Знаменитый «рыбий скелет». Я сам всегда пользовался этим инструментом, когда проблема не укладывалась в голове, начинала ветвиться, и нужно было ее жестко визуализировать. Мне это помогало. Должно помочь и им.

— На крупных костях мы пишем главные причины, порождающие проблему в голове рыбы. На мелких косточках — причины этих причин. И так до тех пор, пока не доберемся до самой сути, которую можно исправить одним указом. Зарисовывайте, господа. Думайте. Ищите кости.

Признаться, прошло всего полчаса, а я уже дьявольски устал.

Это только кажется тем, кто никогда не работал с аудиторией, в школе или в университете, что нет ничего проще: если ты сам знаешь предмет, просто выйди и донеси его до учеников. Черта с два. Главное — удержать дисциплину, сфокусировать их внимание, создать самую атмосферу обучения. Если этой атмосферы нет, никакая, даже самая гениальная информация не уляжется в головы. Ни детям, ни уж тем более этим прожженным, состоявшимся, облеченным колоссальной властью мужам.

Они сидели напротив меня, склонившись над столами. Потели, сопели, важно надували щеки, ломали с непривычки грифели карандашей, вычерчивая ту самую диаграмму Исикавы.

Я медленно шел вдоль стола. Картина была абсолютно сюрреалистичной. Полный когнитивный диссонанс. Высший свет империи напрягался из последних сил, чертя палочки, а я, самодержец всероссийский, расхаживал у них за спинами, заглядывая через плечо, как заправский гувернер, проверяя, что у кого получается.

— Христофор Антонович, — обратился я к Миниху, остановившись позади его массивной фигуры. — Я смотрю, что «рыбий скелет» у вас уже начерчен весьма основательно. Какие сложности второго плана для нашего флота вы выявили?

Миних, услышав свое имя, рефлекторно начал подниматься со стула, вытягиваясь во фрунт.

— Сидите, сидите, — махнул я рукой, придавливая его авторитетом к месту.

Я склонился над его листом. И, должен признаться, был искренне удивлен. Из всех присутствующих именно фельдмаршал Миних, этот суровый вояка, но и талантливый инженер, оказался человеком с самым структурным мышлением. Его работа мне понравилась больше всего.

Он не стал писать общие фразы про «волю Божью» или «нехватку удачи». На его косых линиях-костях четким, рубленным почерком были обозначены абсолютно конкретные системные провалы. На мой взгляд, он блестяще определил кадровый вопрос: острейшая нехватка квалифицированных офицеров, из-за чего и происходит полный беспорядок в личном составе матросов. Отдельной «костью» он выделил отсутствие регулярных боевых и учебных выходов в море — флот гниет у причалов. Ниже шли перебои с целевым финансированием, отсутствие системы принудительной просушки корабельного дуба...

Он начертил почти всё то же самое, что начертил бы на его месте я сам.

Я выпрямился, окинув взглядом остальных «учеников», которые всё еще пытели над своими листами, и позволил себе скупую, удовлетворенную улыбку. Из этих людей всё-таки выйдет толк.

— Я со всем соглашусь, Христофор Антонович. Блестящий анализ, — кивнул я Миниху, и старый служака, не привыкший к похвалам за «бумажную» работу, слегка выпятил грудь.

Некоторое время занятия мы потратили на то, чтобы разобрать эту проблему уже коллективно. Министры, поначалу скрипевшие зубами, постепенно втягивались в процесс. В них просыпался азарт. Когда ты визуализируешь врага — а системный кризис это страшнейший враг — с ним становится интереснее бороться.

Плохо, конечно, что на этом импровизированном мозговом штурме не было ни одного представителя от самого флота. Надо было, конечно, выдернуть кого-то из адмиралтейских военачальников и приучать к подобному системному делу именно их. По-хорошему, здесь должен был сидеть сам генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин.

Вот только Апраксин внезапно и очень «удачно» заболел. И, как мне докладывала Тайная канцелярия, заболел вполне серьезно — прихватило сердце. Неудивительно. Распереживался, старый лис, от того, с каким пугающим, совершенно не свойственным прежнему царю, в его позднейшем, проявлении, методичным вниманием я начал вникать в дела флота. После моей недавней поездки в Кронштадт, где я навел шороху, затребовал реальные списки и пообещал

все кары небесные как тем, кто там присутствовал, так и тем, кто уклонился, у генерал-адмирала и случился приступ.

По-человечески старика было жаль. Но во мне сейчас говорил не человек, а антикризисный менеджер. Даже если у Апраксина действительно большое сердце — разве это повод умалчивать о катастрофическом состоянии кораблей? Нет. Логика управления безжалостна: если руководитель не тянет нагрузку, стоит сделать так, чтобы во главе русского флота стоял человек с чуть более здоровым мотором в груди. Кадровые перестановки не просто назрели, они уже перезрели и начали гнить.

Я хлопнул ладонью по столу, обрывая гул голосов. Обсуждение проблемы превращалось в многоголосый хор. Но все мигом примолкли

— А теперь, когда проблему, сложности, выявили, наметили, что нужно решить для достижения цели, поговорим, как ее достигать, — сказал я.

После стер, не без труда, рыбий скелет и стал рисовать вторую часть урока. Скоро я отложил мел, отряхнул пальцы и медленно повернулся к ним.

На доске за моей спиной были нарисованы три квадрата, соединенные стрелками. И всё.

— Вы привыкли управлять так, ну или как Бог на душу положит, — я нарушил тишину, и мой голос эхом отскочил от сводчатого потолка. Я ткнул пальцем в первый квадрат. — Государь изволил выдать казну и повелел: «Построить верфь».

Я провел указкой ко второму квадрату.

— Здесь сидит президент Коллегии. Он берет деньги, часть кладет себе в карман — «на представительские расходы», часть спускает вниз. И говорит: «Стройте, ибо государь повелел».

Конец указки ударил в третий квадрат.

— А здесь сидит голова артели строительной. Который также ворует, потом нанимает пьяных мужиков, и через год вместо верфи мы имеем гнилой сарай и слезную челобитную: «Государь, денег не хватило, воля Божья, штурмом смыло». Так?

Остерман тонко кашлянул. Миних помрачнел, но кивнул. Бестужев отвел взгляд. Знают они прекрасно, что так оно и делается. И не со зла даже и воруют вроде бы и мало, ибо где много, там даже волю государя не спускают ниже, забирают в наглую все себе. И вот... у новехенького, но уже у разбитого корыта.

— С этого дня, — я шагнул к столу, нависая над ними, — старый мир закончился. То, что я сейчас вам объясню, в будущем назовут «управлением по целям». А для вас это будет... — я усмехнулся, — «Правило четырех гвоздей».

Я снова повернулся к доске и размашисто написал цифру «1».

— Гвоздь первый. Точность. Антон Мануилович, — я резко посмотрел на Девиера. — Если я прикажу тебе: «Наведи порядок в Петербурге», это хороший приказ?

Девиер вскочил:

— Так точно, Ваше Императорское Величество! Будет исполнено!

— Садись. Это дурной приказ, — холодно отрезал я. Девиер рухнул обратно, растерянно моргая. — Потому что для тебя «порядок» — это когда на улицах не режут. Для купца «порядок» — когда мостовая метенная, или к складу проехать можно, мусора нет. А для меня это просто пустой звук. Приказ должен быть измерим. Не «навести порядок», а «сократить число грабежей на треть к Рождеству» или «вымостить три проспекта до первых холодов». У цели должно быть лицо. И так вы повинны приказывать своим людям, дабы осязаемо, проверить можно было и понятно, что делать.

Я написал цифру «2».

— Гвоздь второй. Мерило. Как мы поймем, что дело сделано?

Я посмотрел на Миниха.

— Христофор Антонович, вы просите сто тысяч рублей на фортецию, али на дамбу в Петербурге. Вы отчитываетесь рублями. Мне плевать на рубли. Рубли можно украсть, списать,

сжечь. Отныне мерило исполнения — это не потраченная казна. Это число уложенных камней. Число отлитых пушек. Глубина рва в саженьях. Вы отчитываетесь передо мной только готовым результатом, который можно потрогать руками. Нет результата — деньги считаются украденными. Со всеми вытекающими, хоть бы и до плахи.

Миних не дрогнул, но его челюсти сжались так, что желваки заходили ходуном. Брюс рядом с ним удовлетворенно кивнул — ученому нравилась беспощадная математика нового подхода.

На доске появилась цифра «3».

— Гвоздь третий. Одна шея.

Я подошел вплотную к Остерману. Тот смотрел на меня снизу вверх немигающим взглядом кобры.

— У Коллегии нет лица, Андрей Иванович. Когда дело провалено, вы говорите: «Коллегия заседала и постановила». И виноватых нет. С сегодняшнего дня у каждой задачи, у каждого проекта, у каждого рубля есть только одно имя. Один человек, который отвечает головой. Если верфь не построена, я не буду штрафовать Адмиралтейств-коллегию. Я возьму за горло одного человека, чья подпись стоит под приказом. Отдать полномочия — сие не значит скинуть с себя ответственность.*

И, наконец, мел вывел цифру «4». Мелок хрустнул и сломался в моих пальцах.

— Гвоздь четвертый. Срок.

Я бросил огрызок мела на стол. Он прокатился по полированному дереву и остановился прямо перед Бестужевым.

— Задача без жесткого срока — это не приказ. Это философская беседа. «Сделать вскорости», «как Бог даст», «к лету» — забудьте эти слова. «Двадцать пятого октября, к полудню». И если двадцать пятого октября в полдень одиннадцать минут задача не выполнена — наступает ответственность.

Я отошел к окну. Представил, что там, за окном сидит оператор и снимает реалити-шоу. И сейчас камера словно взяла общий план: одинокая фигура императора на фоне серого петербургского неба и застывшие вельможи, первоклашки в школе менеджмента, осознающих масштаб катастрофы. Их уютный, вязкий мир круговой поруки и бюрократической безответственности рушился на глазах.

— Четыре гвоздя, господа, — негромко, но так, что звенело стекло, закончил я. — Точность. Мерило. Одна шея. Срок. Именно на эти четыре гвоздя я буду прибивать вас... к вашим должностям. Или к виселице. Кому и гроб заколочу. Зависит от того, как хорошо вы усвоите сегодняшний урок. Может так быть, что гвоздем я открою сундук с многими рублями и чинами и одарю ими вас. Все зависит от вас. Не справляетесь? Отойдите, признайте, чтобы после не сожалеть.

Я выдержал театральную паузу, наслаждаясь их бледными лицами.

— А теперь, господа... открывайте тетради. Начнем разбирать на примерах. Возьмем, к примеру, закупку сукна для гвардии...

Разбирали и другие проблемы, причем по каждому ведомству собранных тут людей. Тех, кого я мыслил в своей команде. И если они начнут работать вот так, или около того, чтобы четко, выверенно, с постановкой правильных задач и сроков... Все у нас получится.

— На этом всё, господа. Можете отложить карандаши.

По кабинету прокатился дружный, едва скрываемый вздох облегчения. Вельможи начали расправлять затекшие плечи.

— Но только на сегодня, — с садистским удовольствием добавил я, глядя, как их лица снова вытягиваются. — Собираться подобным образом мы будем три раза в неделю. Строго. Вы будете приходить с готовыми докладами по своим ведомствам, разложенными по тем схемам,

что я даю. И шаг за шагом мы будем разбирать новые приемы для правильного, прозрачного управления вверенными вам людьми и ресурсами.

Я выдержал паузу, позволив им осознать неотвратимость грядущего кошмара, слегка улыбнулся и, уже глядя в угол стола, негромко произнес:

— И еще одно. В следующий раз, господин Бестужев, я настоятельно не рекомендую вам списывать структуру диаграммы из-под локтя у господина Девиера. У вас разные ведомства, Алексей Петрович.

О, как засмутился Бестужев! Это надо было писать маслом. Искушенный интриган, виртуоз дипломатии, человек, способный глазом не моргнув солгать в лицо любому европейскому монарху, вдруг залился густой, пятнистой краской до самых корней напудренного парика. Наверное, если бы я прямо сейчас, при всех, обвинил его в организации многомиллионной коррупционной схемы, он бы так не покраснел. Он бы нашел, что ответить. Но быть пойманным на банальном подглядывании в чужую тетрадку?! Это било по самолюбию сильнее кнута. Стыдно. А нечего было списывать.

Чиновники, кланяясь, потянулись к выходу. Я смотрел им вслед тяжелым взглядом, прекрасно понимая: как только за ними закроются тяжелые двери, по дворцу, а затем и по Петербургу поползут шепотки. Будут распускать слухи о том, что государь окончательно сбрендил. Что заставляет седых графов и баронов марать руки мелом и учиться, как неразумных школьников.

Пусть шепчутся. Собака лает, а караван идет. И я, так уж вышло, что в этом караване главный погонщик верблюдов. Вот и буду тянуть свою лямку дальше.

От автора:

Топовая серия про Смутное время на Руси. Год 1610-й! Интриги, заговоры, баталии, поединки - яркая борьба за престол! Сильный герой, для которого Родина - не просто слово! Скидки на все книги серии 1-й том здесь - <https://author.today/reader/464355/4328843>

Глава 4

Петербург.

8 февраля 1725 года.

Я остался один в тишине кабинета, придвинул к себе чистую бумагу и принялся за составление учебной программы. Сегодняшнее занятие было спонтанным, так, посмотреть, возможно ли... Возможно и даже нужно. Если у нас нет университета, а уровень знания и управления необходимо повышать... Работы был непочатый край.

Многое, пугающе многое нужно им рассказать и буквально вбить в подкорку. Как минимум — научить составлять и читать элементарные матрицы и таблицы. Сейчас они их не знают. А я, например, физически не понимаю, как можно хоть что-либо в экономике сравнивать, если у тебя нет перед глазами банальной сводной таблицы по столбцам!

Держать весь массив данных в уме, производить расчеты на счетах и никак не визуализировать итоги на бумаге? На мой взгляд, это путь в никуда. Это верный способ множить математические ошибки, которых можно было бы избежать за секунду, просто пробежавшись взглядом по строке.

Я буду учить их высчитывать тренды и вырисовывать графики. То, как развит менеджмент в моем будущем — это ведь не чья-то кабинетная блажь, не прихоть теоретиков и не корпоративное баловство. Эта наука, как и армейские уставы, выстрадана и написана кровью обанкротившихся корпораций, нервными срывами и кубометрами пота управленцев различных эпох. Их колоссальный опыт был сведен воедино и отточен до совершенства. И если я не использую этот арсенал здесь — грош мне цена.

Времени у меня в обрез, но если я смогу выучить хотя бы этих высших сановников, эту «золотую дюжину», должной стать «золотой двадцаткой» империи, то дальше сработает цепная реакция. Они, чтобы облегчить себе жизнь и не потеть на моих докладах, неизбежно возьмутся за розги и подучат свое среднее звено. А те — низшее. Это будет не просто реформа. Это будет серьезнейший, тектонический прорыв в самой системе управления страной.

И тут я уповаю на лень. Да! Именно на нее. Захочется же делегировать полномочия и право принятия решений. Самому не напрягаться, но чтобы работа спорилась. Вот... выучи зама и спи на рабочем месте спокойно. Но... на рабочем месте и будь сам компетентным.

Глядя на мучения «учеников» с простым «рыбьим скелетом», я окончательно понял одну важнейшую вещь. Бритва Хэнлона в действии. Большинство тех кривых, запутанных и неполных сведений, которые я собирал, пытаюсь провести полноценный аудит Российской империи — это не был результат хитроумного саботажа или специального подлога.

Это была просто кристально чистая, дистиллированная некомпетентность тех, кто эти сведения составлял. Они не прятали от меня данные. Они просто не умели их собирать.

И я это исправлю. Чего бы мне это ни стоило. Аудит будет завершен!

Да и зачастую цифры в их докладах брались просто с потолка. Примерно прикидывали в уме, как оно «должно бы быть, если только, по совести». На деле же выходило, что разные ведомства имели совершенно разное представление и о количестве выделенных средств, и о том, насколько эффективно они были израсходованы. Ну и совесть — слишком не под учетное понятие. Отсюда произрастала просто зияющая, колоссальная брешь для воровства.

Да что там говорить, ситуация доходит до полного абсурда: если послать в какую-нибудь Коллегию целевую сумму под проект, президент этой Коллегии искренне будет считать, что это его личные деньги. Словно кормление или щедрая монаршая зарплата!

И вот он сперва прикупит себе породистых лошадей, отстроит новую каменную конюшню, а уже по остаточному принципу, если что-то завалается, пустит средства на государственные нужды.

И ведь это даже не считается у них воровством! Это воспринимается как само собой разумеющееся право сильного. Именно эти устои мне придется ломать через колено с громким хрустом. И именно в этом кроется причина, по которой вся эта аристократия скоро начнет ненавидеть меня до зубовного скрежета.

Я сидел и думал, забыв о внешней среде совершенно. Вошли лакеи, заменили свечи, делали это как-то церемониально. Потом Грета пришла с двумя половойками. Только что не потребовали ноги поднять, вымывали полы до блеска и – как я и велел – с мылом. Санитария моих помещений, как я думаю, теперь показательная для всей империи.

И даже милую особу не замечал, которая все это время стояла рядом, лишь “убегая” от швабры Греты. Служанка с характером... Так и норовила шваброй задеть Марию Дмитриевну Кантемир. Я то больше Грету “не напрягал” возлежанием рядом со мной.

Кстати, швабру усовершенствовал я сам. Ранее пользовались только палкой, чтобы мыть под кроватью. Вот такое прогрессорство. Дай Бог будет по-серьезнее в будущем.

— Ваше Императорское Величество... признаться, я до конца так и не поняла, зачем вы всё это делаете. Но когда я видела из потаенной комнаты лица этих высших чинов империи... как они, словно нерадивые бурсаки, стараются вырисовывать черточки... Это было зело забавно.

Голос княжны Марии Дмитриевны Кантемир прозвучал негромко и слегка иронично.

Я не стал приглашать ее в сам кабинет во время занятия. Пусть при Петре Великом и произошла небывалая для Руси эмансипация женщин, появились ассамблеи, но нравы всё еще оставались дремучими. Если бы эти спесивые седые мужи, которым сейчас приходилось откровенно унижаться передо мной, ломая свою гордость, увидели, что за их позором наблюдает женщина... Никакой учебы не вышло бы. Они бы просто замкнулись в глухой, агрессивной обороне.

Но пусть и таким образом, но и она учится. Все же в будущем чиновник.

А еще мне почему-то было важно услышать мнение Марии. То, что я творю, абсолютно противоестественно для этого времени. Обычно в истории всё происходило ровным счетом наоборот: монархи учились у своих мудрых седовласых советников. Чтобы правитель лично усадил своих министров за парты и начал вколачивать в них основы менеджмента — такого еще не бывало. А теперь будет.

— Государь Петр Алексеевич, я, конечно, могу быть неправа... — Мария сделала шаг вперед, задумчиво глядя на изрисованную доску. — Но что стоило бы вам... А я ведь вижу, что вы всю эту премудрость держите в уме, и одному Богу известно откуда. Что если сделать устав? Для чинов Устав, коий соблюдению обязателен для всех, как в армии.

Она вдруг запнулась, глаза ее вспыхнули, словно она только что была готова выкрикнуть «Эврика!».

— Да! Устав для высших чинов. Написать на бумаге: что именно они должны делать и как они должны это делать! Может ты и права...

Я замер. А ведь действительно... Какая простая, убийственно логичная мысль. Корпоративный стандарт службы.

Нет, отказываться от того, чтобы воочию мучить чиновников и лично спрашивать с них «домашнее задание», я не стану. Этот зрительный контакт и жесткая дрессировка мне необходимы. Но вот параллельно создать письменный Регламент государственной службы — документ, который, как и армейский устав, должен выполняться неукоснительно... И одновременно с этим ввести особую, новую присягу для каждого чиновника, заступающего на должность, присягу на верность уставу — это не просто интересная мысль. Это фундаментальный камень в основание новой бюрократической машины.

И почему, черт возьми, эта очевидная идея не пришла в голову мне самому? Впрочем, моментально нашлось объяснение тому, почему умница Кантемир находится здесь, в моем ближнем кругу. Она умеет думать. И не шаблонно, с фантазией.

Вдруг в голову полезли такие фантазии... Мда... Чуть собрался с мыслями.

— После обеда мы с тобой это детально обсудим. Будь здесь. Я распоряжусь, чтобы тебе принесли еду прямо в кабинет, — отрывисто сказал я.

Сказал — и посмотрел прямо в темные, глубокие глаза женщины. Это была проверка. Вот сейчас она, как любая знатная дама или фаворитка, должна была бы внутренне возмутиться. Поджать губы, проявить хоть какую-то затаенную обиду на то, что я оставляю ее здесь, как секретаря, и до сих пор не приглашаю к своему столу на официальные семейные обеды.

Но я не увидел на ее лице ничего подобного. Ни тени обиды, ни капли уязвленного женского самолюбия. Только спокойное, деловое и полное достоинства принятие задачи.

И это, признаться, мгновенно прибавило ей еще десяток баллов в моей внутренней шкале доверия к этой женщине. Я ведь ее до сих пор не впускаю в свое пространство и не принимаю безоговорочно, ищу подвох. Как, впрочем, поступал бы любой здравомыслящий человек, наделенный властью. Хотя и очень хочется...

— Не обижайся, но ты не семья. Ты — друг. Если не устраивает, то...

— Не гоже перебивать государя, — спокойный голосом сказала Кантемир. — Но я сделаю это. Я все понимаю.

Это было бы правильно. Она — умная женщина, расставила приоритеты, что законной супругой или официальной родственницей императору она не станет никогда. Политика такого не прощает. А вот стать надежной боевой подругой, конфидентом — эта ниша подле трона пока вакантна. Любовницей? Было бы весьма неплохо. Глядя на ее точеный профиль, я поймал себя на мысли, что уже вполне готов попробовать.

Меня останавливал не страх перед физической болью. И даже не опасение, что от плотских утех мое и без того шаткое здоровье может окончательно рухнуть. Дело было в другом: ни я, ни мои лекари-немцы до конца не понимаем природу моей хвори. Что, если это не просто сбой организма? Что, если я заразен и банально передам какую-нибудь жуткую инфекцию тем женщинам, с которыми лягу в постель?

Но важнее всего было другое. Я смотрел на Марию и отчетливо понимал: мое здоровье — это не моя личная проблема. Это единственный шанс для Российской империи не скатиться в пропасть. Если я прямо сейчас, на ровном месте, умру от сердечного приступа или надорвавшись в постели, всё то время, что я провел в этом чужом веке и в этом теле, окажется просто историческим недоразумением. Жалкой сноской в летописи.

А ведь кроме непосредственной болезни, сердечко екает, тахикардия. Но такие боли не могли пройти бесследно для сердца.

Нельзя умирать, никак... Я поймал себя на мысли, что нет страха перед смертью, как таковой. Только боязнь последствий.

Ведь по сути, я еще ничего не сделал. Ничего еще по-настоящему не началось. Все эти совещания, исписанные грифелем доски, каркасы будущих законов и указов — всё это лишь робкая проба пера. В этом проклятом, вязком столетии ничто не работает так, как должно. Нельзя просто прийти в Коллегию, издать красивый приказ и ждать, что шестеренки государственного аппарата радостно закрутятся сами собой. Нет.

Здесь механика иная: сначала нужно рывкнуть приказ. Потом подождать. Потом лично приехать с гвардией и дать по шее за то, что указ даже не прочитали. Потом приехать еще раз — и уже не по шее дать, а в прямом смысле слова выбить пару зубов самому сановному саботажнику. Затем, стерев кровь с костяшек, долго и нудно учить оставшихся, с какого вообще боку подступать к этим новым, непонятным для них задачам.

И вот только тогда, может быть, где-то через годик, появится хоть какой-то реальный, осязаемый результат. Я смотрел в окно на серый петербургский лед и молился лишь об одном: чтобы этот годик у меня был. А лучше пять. Десять лет — это была бы недостижимая роскошь.

— Я уже начал диктовать один учебник, — прервал я затянувшуюся тишину, возвращаясь к делам. — Хотел бы, чтобы ты на досуге прочитала наброски и высказала свое непредвзятое мнение. Но, видимо, я совершил стратегическую ошибку и начал не с того конца. Самое простое и упустил.

Я усмехнулся, признавая собственную оплошность.

— Знаешь, о великая внучка славных византийских василевсов, госпожа Кантемир, по дворцу ходит много забавных слухов. Люди откровенно растеряны, — я позволил себе легкую, почти человеческую улыбку. — Они не знают, к чему готовиться. Мои новые порядки ломают им шаблоны. Представь себе: даже моего верного денщика Корнея, который обычно молчит как оловянный солдатик, вчера зажали в коридоре сенаторы!

Мария удивленно приподняла брови.

— И о чем же высшие чины пытали вашего слугу, государь? И все ли сенаторы остались в живых после этого столкновения?

— О самом важном спрашивали! — рассмеялся я. — Они спрашивали его: «Господин Чеботарь, сделай милость, шепни: запастись ли нам в этот раз коровьим маслом, или нынче обойтись можно?».

— Что?

— Вот и до меня не сразу дошел смысл этого несуразного, глуповатого вопроса. Я поначалу решил, что в столице перебои с провиантом, — посмеялся я.

Оказалось, что вопрос-то не праздный. Это тяжелое наследие прошлых лет. Придворные привыкли готовиться к ассамблеям как к выходу на плаху. Уж не знаю, научным ли методом местная аристократия это определила, или горьким народным опытом, но перед тем, как идти во дворец, многие из них съедали дома не менее фунта жирного сливочного масла!

Они покрывали желудок толстым слоем жира, чтобы смертельные дозы алкоголя не усваивались мгновенно и можно было хоть как-то удержаться на ногах. И такое, по сути, противоядие, думаю даже спасало жизни придворным, ибо как я уже знаю, пили до падения навзничь.

Я, признаться, когда узнал об этом, просто содрогнулся. Как, какими лужеными глотками можно было вливать в себя целый штоф водки?! Штоф! Больше литра в одно горло под хохот государя и улюлюканье толпы. Даже если тогдашняя хлебная водка была на десяток градусов слабее той, к которой я привык в будущем, это всё равно был верный путь к циррозу и безумию. Ну не привык... я-то не выпивоха и никогда им не был. А вот в дорогом алкоголе толк, как думаю, знаю.

— Можешь передать двору, Мария, — отсмеявшись, жестко добавил я. — Масло нынче могут намазывать на хлеб. Спаивать своих министров до свиного визга я не собираюсь. Мне нужны их работающие мозги, а не их блевотина на дворцовом паркете.

— Мне не поверят... А ты, государь, хочешь показать двору мою полезность и сделать так, чтобы я заслужила тем самым уважение? — догадалась она.

— Может быть... Ты только шепни нужным людям, что пьянствовать на грядущей ассамблее будут только те, кто сам этого захочет. А кто опоздает — тому в горло воронку вставлять не будут и «Кубком Большого Орла» штрафовать не станут. Но передай и другое: на глаза мне опоздавшим лучше вообще не показываться.

Мария чуть приметно улыбнулась, оценив изящество политического хода: я давал ей возможность принести высшему свету самую радостную весть за последние годы, тем самым укрепляя ее личный авторитет.

— Ну все... пойду я, — сказал, словно бы оправдался.

— Да, конечно, ваше величество.

Подошел к двери, сам ее открыл. Не поворачивался, но словно бы слышался тихий плач Марии. Нет, показалось.

Пройдя небольшую анфиладу дворца, дав себе зарок быстрее начать строительство нормального императорского жилища, я остановился у дверей в столовую.

— Ваше величество, – сбоку раздался голос.

Двое гвардейцев не пушали...

— Дайте господину Девиеру пройти, – сказал я, и добавил: – благодарю за службу, братцы. Все верно. Окромя меня, государя, нет на вас указа.

Специально акцентировал на этом. Ни у кого не должно быть иллюзий, что ко мне можно врываться, и что гвардейцы не остановят.

— Говори! – потребовал я, когда Антон Мануилович приблизился.

Исполняющий обязанности главы Тайной канцелярии был взволнован. Переминаясь с ноги на ногу, он, не бывший рослым человеком, никак не мог так подобраться ко мне, чтобы иметь возможность шептать на ухо.

Я огляделся. Кроме лакея, двух гвардейцев и Корнея, иных, кого мог бы смущаться португалец Девиер, не было.

— Говори! – потребовал я.

За дверьми слышался разговор и, судя по всему, Елизавета что-то высказывала Петру. Эта может так наговорить, что я потом и не расхлебаю.

— Ваши враги... те, о которых мы говорили... они решились на убийство, – заговорщицким тоном сказал Девиер.

— Да? И это все? – сказал я.

— Но... Ваше величество... убить...

— Господин Девиер, ты об этом знаешь, уже и я знаю... Разве не придумаем, как решить? А вот ежели я нынче не войду в столовую и не урезоню... не успокою свою дочь, которая издевается над Петром, то империя может получить... Но это тебя не так и касается. Работай! – сказал я и резко открыл двери в столовую, где Лиза в прямом смысле дралась с Петром.

Глава 5

Петербург.

8 февраля 1725 года.

— Что происходит? – спросил я, входя в столовую. – Лиза! А-ну отойди от Петра!

Но та вцепилась в волосы наследника и тягала его с остервенением. Петр сидел на стуле и только чудом еще не упал.

— Корней! Реши! – строго сказал я.

Он быстрее доберется до эпицентра энергетического взрыва.

Тут же Петр развернулся и оттолкнул Лизу. Сопrotивляется? Уже хорошо. А то как-то быть битым девчонкой – так себе история для мужчины, еще и наследника Престола Российской империи.

Корней подскочил и охватил Лизу, оттаскивая от наследника Трона. Да так... за ее выдающиеся формы. Та тут же отпустила Петра, встала, как вкопанная. Чеботарь понял, что не за те места схватился и даже... Ну словно дети. Корней покрылся краской. Елизавета же так на него смотрела...

— А-ну, хватит! Лиза, Бутурлина отправляю по-дальше от тебя, так ты на Чеботаря глаз метишь? Его тоже отправить? – сказал я. – Постеснялись бы герцога.

Дочь только фыркнула, но вот Корней тут же собрался и отошел от моей златовласой дочурки предельно по-дальше, даже нелепо ударился о стену, но... не прошел сквозь нее.

— Я ничего не вижу, – отозвался весело голштинец и продолжил не отвечивать, лишь с интересом наблюдая за развязкой спектакля.

— С чего все началось? – спросил я у Лизы, как у старшей.

Она посмотрела на Петра, тот, как щенок скулящий, безмолвно просил не говорить, что произошло.

— Прости, батюшка, – после паузы, когда Лиза переглядывалась с Петром, стала говорить златовласка. – Ничего такого и не было. Я виновная. Но ты меня же, Полтаву свою, не осудишь? А я покорной буду.

Я улыбнулся. Вот такие моменты больше говорят о том, что зарождаются некие нити, скрепляющие семью, чем тысячи слов и уверений. Не сдать своего... племянника, не выдать свою тетку. И Наталья сидит, как в рот воды набрала, Анна смотрит на всех иных и тоже отказывается нарушить коллективную договоренность, молчит.

Я узнаю, что произошло, обязательно, интересно же. Да и догадываюсь. Мне уже докладывали, что Петр облизывается на Лизу. Еще и полового созревания не случилось у парня, а туда же. На тетку смотрит. Впрочем, в иной реальности ведь было такое.

— Замуж нужно тебя, Лиза, быстрее отдать, – сказал я, потом обратился к остальным: – мы есть будем? Я голодный. Да и есть еще о чем поговорить.

Сегодня у моего внука, цесаревича Петра Алексеевича, был полноценный учебный день. И я решил воспользоваться моментом: не просто заслушал отчет о том, какой урок собирались преподавать наследнику престола, но и жестко внес в него свои коррективы. От латыни и богословия я потребовал перейти к точным наукам, но сделать упор на историю. Экономiku и менеджмент, как и психологию управления, как я ее понимаю для императора, сам внуку преподам. Но математика – царица наук.

Пока была вторая смена блюд и должны были подать кашу, по моему рецепту, гурьевскую, решил проверить наследника, как он усваивает науки. Ну и тему разговора нужно было сменить.

— Дважды два! — бросил я прямо за обеденным столом, глядя на жующую физиономию Петруши.

— Четыре! — радостно и с набитым ртом отчеканил он.

— Семь помножаем на восемь, — не дав ему выдохнуть, выпалил я следующий вопрос.

И... наследник поплыл. Глаза забегали. Великий князь откровенно «слился», мучительно силясь вспомнить ответ. Сидящая рядом сестренка, Наташа, тут же склонилась к нему и начала спасительно шептать цифры на ухо, но я осадил ее строгим, тяжелым взглядом. Замолчала.

Да, основа основ — это таблица умножения. Я, человек из будущего, с немалым удивлением для себя узнал, что именно в этом веке и именно моим предшественником в этом теле, Петром Великим, в России была впервые введена эта самая таблица Пифагора. Только при нем страна окончательно перешла с громоздких буквенных обозначений на нормальные арабские цифры.

Какую бы дичь ни творил прежний хозяин моего тела, но для меня — человека, искренне любящего математику и считающего, что любое государственное дело можно просчитать при помощи цифр, таблиц и схем — одно только это делает Петра по-настоящему Великим. Переход на цифры и основание Академии наук, куда вот-вот придет уже приглашенный профессор Леонард Эйлер, — это фундамент.

Хотя скотина он, Петр, если честно, редкостная.

Стольких людей сгноил, замучил, обидел — порой ни за что, вопреки всякому здравому смыслу. И самое страшное — я ловил себя на мысли, что и сам уже готов точно так же карать и казнить.

Ведь уже скоро, буквально через пять-шесть дней, должна состояться первая публичная казнь по приговорам, которые я лично хладнокровно подписал. Да, я успокаивал себя тем, что казню действительно виновных. Того же Андрея Ушакова, главу Тайной канцелярии, я решил всё же показательно покарать и отрубить ему голову. Кто-то же должен был окончательно и бесповоротно ответить за смерть моего сына, царевича Алексея. Кровь за кровь.

По-хорошему, там половину двора надо было тащить на плаху. Но если заставлю отвечать всех, кто был к этому причастен, то я останусь управлять империей, наверное, вдвоем с одним только Минихом. Остальных придется повесить. Так что Ушаков станет ритуальной жертвой. Чтобы и иные понимали, а я так и прямо скажу: “Кто отступится, кто не будет служить, того ждет судьба Ушакова”.

Я отогнал эти мрачные, пропитанные кровью мысли и снова посмотрел на смущенного внука.

— В следующий раз, Петр Алексеевич, у вас всё обязательно получится, — мягко, уже без давления подбодрил я наследника.

Я нашел мотивацию для наследника, чтобы он учился. Я не знал, откуда у него эта страсть. Когда они с сестрой находились в опале, вдали от двора, я и ведать не ведал, что Петруша так фанатично увлекается псовой охотой. Ему и лет-то маловато для серьезных выездов. Но именно охота стала моим главным рычагом давления на него.

Главным призом, который стоял сейчас на кону для наследника российского престола, было мое разрешение на выезд в леса. Уговор был жестким: если я задаю десять вопросов по таблице умножения и на все десять он отвечает без запинки — мы организовываем охоту. Выезжаем узким кругом на свежий морозный воздух. И я очень надеялся, что там мы действительно отдохнем, а не усугубим мои обострившиеся болячки.

Впрочем, пока он выучит досконально таблицу умножения, я либо помру, либо выздоровею окончательно.

Оставив внука переваривать цифры, я повернулся к женской половине стола.

— Ну что, все готовы к завтрашнему балу? — с легкой иронией спросил я у нарядных дамочек.

— Батюшка, Богом заклинаю, не делай так больше! — тут же всплеснула руками моя дочь Елизавета. Глаза ее горели праведным модным гневом. — Ну как же можно новые правила

ввести и назначить прием уже через день?! Мои портные вторую ночь шьют не покладая рук, пальцы в кровь искололи!

Я рассмеялся. Возмущение юной цесаревны было искренним и по-своему очаровательным. Уж кто-кто, а будущая императрица Елизавета Петровна больше всего на свете боялась появиться в свете в старом платье. Империя могла подождать, а мода — никогда.

Между прочим, это она возмущалась уже по второму кругу. Еще вчера вечером Елизавета ворвалась ко мне в кабинет и выплеснула всё свое негодование по поводу того, что обнаглевшие портные требуют двойную плату за срочный пошив нового платья. На мой резонный совет надеть что-нибудь из старых нарядов — которых, как я точно знаю, у нее немерено, целые комнаты забиты, — моя младшая дочь только презрительно фыркнула.

А затем закатила грандиозную сцену. Она начала пространно и со слезой в голосе вещать о том, что батюшка ее совсем не любит, позабыл-позабросил, и вообще она теперь сиротиночка убогая, которую всякий при дворе обидеть норовит. И ведь не стесняется никого, не смущается тому, что и Наталья и Анна осуждающе смотрят.

— А что? — ответила Лиза на их взгляды. — Вам не нужно? А мне — да. Мне еще жениха встречать скоро.

Так себе аргумент...

Я с искренним интересом, как в театре, досмотрел этот моноспектакль до конца. Но всё же пришлось сдаться и выписать Елизавете денег на этот каприз. Тем более что она задумала сшить нечто необычное — наряд, который в моем времени назвали бы смелым трендом. Она обещала, что это будет не просто нелепая химера, а изящный синтез строгого европейского платья и традиционного русского наряда.

Так что я успокоил себя тем, что не швыряю в пустоту казенные деньги на прихоти разбалованной дочери, а вкладываю средства в развитие русской культуры. Так легче выделять аж семь сотен рублей. Это большие деньги!

Я действительно считаю, что нам жизненно необходимо грамотно соединять наши традиции с западными технологиями и стилем. Иначе никак. Нам так или иначе придется вести с Европой диалог, контактировать, торговать и перенимать опыт, позволять ее культуре проникать в нашу.

В противном случае мы рискуем превратиться в подобие Османской империи, которая в моей истории уже со второй половины девятнадцатого века стала «больным человеком Европы» и не рассыпалась окончательно лишь потому, что европейские державы искусственно поддерживали ее ради баланса сил.

А ведь всё шло к тому, чтобы и Россия стала таким же рыхлым, отсталым азиатским колоссом на глиняных ногах. И если быть честным, если бы мой предшественник, Петр Великий, даже совершая чудовищное количество ошибок, не переломал страну через колено, мы бы рухнули. Если бы русские полки не стали строиться на европейский лад, если бы мы остались с архаичной поместной конницей и бунтующими стрельцами, Россию ждала бы бесконечная череда унижительных поражений и распад.

— Анна, Наталья, а у вас нет проблем с тем, во что обрядиться на завтрашний прием? — перевел я взгляд на старшую дочь и внучку.

— Спаси Христос, батюшка, нарядов вдоволь хватает, — кротко ответила Анна Петровна.

Елизавета на эти слова только нечленораздельно, но явно неодобрительно хмыкнула — для нее надеть платье второй раз было сродни преступлению против человечества.

Анна Петровна, ответив мне, почему-то тревожно покосилась на своего мужа, герцога Голштинского Карла Фридриха, который сегодня тоже присутствовал на семейном обеде. Кстати о нем...

— Карл, — я повернулся к зятю, нацепив на лицо самую благодушную маску. — Я бы хотел видеть на приеме не только вас, но и вашего первого министра... господина фон Бассевича, если я не ошибаюсь.

Герцог Голштинский нервно моргнул, выпрямляя спину, но я не дал ему вставить и слова, продолжив:

— Вот его, пожалуйста, и приведите с собой. А после первого менюэта я бы хотел, чтобы вы вдвоем подошли ко мне. У меня есть кое-что... важное... сказать вам обоим.

Я произнес это предельно доброжелательно, но в глазах зятя мелькнул неподдельный испуг.

Да, теперь они с Бассевичем наверняка всю ночь спать не будут. Станут метаться, пить вино и гадать, что же такого русский царь хочет им сказать в приватной беседе. Прознал ли я о жажде их убить меня? Или герцог не в курсе планов своего министра?

Так что сказать мне было что.

Моя недавняя затея с Тайной канцелярией сработала: удалось приставить правильных, неприметных «топтунов» к самому герцогу и к его пронырливому первому министру. И пусть соглядатаи подслушали много пустой дипломатической болтовни, в одной из бесед проскользнула суть. Всего несколько неосторожно брошенных предложений. Но таких, что взбудоражили Девиера.

А я ведь узнал раньше его. Сообщили. Все же у Антона Мануиловича еще испытательный срок.

Но этих слов мне теперь с лихвой хватит, чтобы взять голштинскую партию за горло и резко повернуть всю геополитическую историю вокруг Шлезвига и северных альянсов в нужную мне сторону.

Но всё это — заботы завтрашнего дня. Сперва я хочу как следует помариновать в неведении и самого герцога, и его первого министра. Что же касается Бассевича, то такой ушлый деятель рядом с моим слабовольным зятем мне категорически не нужен. Слишком уж он деятельен, слишком хитер и, я бы даже сказал, весьма неглуп.

Надо будет придумать, куда бы пристроить его таланты на бескрайних просторах России. Куда-нибудь подальше, чтобы глаза не мозолил и уж точно ни в каких столичных интригах не участвовал.

— Что ж... — я выдержал паузу, обводя взглядом притихший стол. — А почему же никто не обмолвится ни словом про бабушку, а, Наталья?

Внучка, великая княжна Наталья Алексеевна, испуганно поежилась, опустив глаза. Она отчаянно не знала, что ответить.

Тайная канцелярия и такое доложила, да в деталях. Да, вчера они тайно встречались с Евдокией Лопухиной — первой женой моего предшественника, сосланной в монастырь. Встреча выдалась бурной, слезной и невероятно эмоциональной. Хотя, надо признать, моя опальная бывшая женушка, видимо, опасаясь, что это свидание с внуками станет для нее последним, изо всех сил сдерживалась. В открытую антихристом меня не называла и убить не призывала.

Но внуки-то у меня не дурные и не глупые. Прекрасно поняли, к чему бабушка закатывает истерики, плачет и без конца поминает их казненного отца. Евдокия всё причитала, настойчиво утверждая, что Петруша — вылитый мой сын Алексей. Чушь. Ничего общего. Они даже внешне абсолютно разные.

Я отложил приборы и произнес, чеканя каждое слово:

— Усвойте впредь, и пусть это будет уроком для всех: я буду знать о вас многое, если не сказать — всё. Но мне бы очень хотелось, чтобы о своих делах вы рассказывали мне сами, не дожидаясь моих вопросов. Разве я осуждаю вашу встречу с бабушкой? Нет. Мои конфликты с ней — это наши с ней отношения, дела давно минувших дней. А вы — ее кровь. И пока она не

говорит вам откровенную крамолу, не плетет заговоры и не оскорбляет меня и русский престол — общайтесь. До этих пор вы вольны видаться со своей родственницей столько, сколько вам заблагорассудится. Не нужно прятаться от меня по углам.

На этой тяжелой, но предельно ясной ноте семейный обед, по сути, и завершился.

Оставив родственников переваривать услышанное, я отправился к себе в кабинет. На столе меня ждала стопка бумаг. Сейчас мне предстояло проанализировать, на мой взгляд, единственные более-менее достоверные цифры во всем этом бюрократическом хаосе — отчеты о пересечении границы Российской империи иностранцами.

Эти миграционные потоки — важнейший маркер развития государства. Они лучше любых хвalebных реляций показывают, насколько страна экономически привлекательна для умных и предприимчивых людей извне. Вот эти цифры я сейчас и изучу, чтобы потом свести их в единую матрицу при окончательном аудите империи.

А затем — за перо. Нужно создавать учебник по менеджменту. Предстоит серьезно обдумать, как адаптировать современную науку управления под здешние реалии, чтобы не взорвать их феодальные мозги окончательно.

И, конечно, Устав. Идея Марии Кантемир не шла из головы. Необходимо срочно создать Устав государевой службы — жесткий, понятный Регламент, в котором будет четко прописано, что именно чиновник обязан делать, как он должен это делать, и что ему будет за несоблюдение этого Устава.

Работы — непочатый край. Как бы еще умудриться поспать перед завтрашним испытанием... Впереди мой первый официальный прием. Мой первый бал. Моя первая ассамблея, которая должна показать этому двору, что правила игры изменились навсегда.

— С чего это я так волнуюсь? — тихо, себе под нос сказал я.

— Государь, ты сказал что? — тут же отозвалась Мария, завершавшая вышивать платок, который завтра закинет на себя во время приема, в русско-византийском стиле.

— Нет, ничего. Ложись рядом со мной!

Мария стала раздеваться. Эх... нет, я выздоровею, точно. У меня такая мотивация!

Глава 6

Петербург.

9 февраля 1725 года.

Как я им ни зачитывал указ о том, что нынче будет не так называемый «Всешутейший и всепьянейший собор», а вполне себе приличный светский прием — как я это себе представлял, в духе екатерининских времен, разве что с легким русским антуражем, — народ всё равно ждал привычной вакханалии.

— Батюшка, а кого ты в этот раз назначишь «игуменей всея п*ы», а *кого наиглавнейшей «ни*опродавщицей»*? — явно пребывая на кураже и в предвкушении матерного и пьяного праздника, звонко спросила меня Лиза.

— Елизавета, если я еще раз услышу из твоих уст подобные речи, то прикажу отхлестать тебя по губам... — жестко оборвал я.

Она изумленно распахнула глаза и порывалась что-то возразить, но я пресек это, просто подняв ладонь. Едва не добавил вслух, *чем именно* могу приказать отхлестать... но вовремя прикусил язык. Нет, это уже перебор. Да и Бутурлин в своих признательных записках описал такое. Не стоит повторяться.

И тут же, с абсолютно непроницаемой, каменной серьезностью — а ведь именно ему я накануне лично диктовал указ об изменении правил ассамблеи! — ко мне подошел Бестужев и почтительно осведомился:

— Кого Ваше Величество нынче соизволит назначить «архиереем жопным»?

Я посмотрел на Бестужева как на конченого дурачка. Впрочем, по петровским же правилам — на самом деле нет — подчиненные перед лицом начальства и так должны были иметь вид лихой и придурковатый.

Зал и анфилады Зимнего дворца тем временем наполнялись. Народ всё ещё собирался, и пока я не видел в толпе ни одного счастливого лица. Разве что кроме сияющей Елизаветы Петровны. Остальные были натянуты как струна, бледны и мрачно сконцентрированы, ожидая привычной пытки. И если даже мой личный секретарь ни черта не уловил тенденций, которые я пытался донести новыми правилами, то что уж говорить о людях, которые этот указ слышали только в чужом пересказе?

— Значит так, Алексей Петрович... — медленно начал я.

И не успел даже моргнуть, как чужое, первобытное естество внутри меня взяло верх. Моя рука метнулась вперед быстрее мысли, стальной хваткой вцепившись Бестужеву в горло.

Складывалось пугающее впечатление, что «мой» царский гнев эволюционирует. Если раньше я хотя бы чувствовал его приближение — перед вспышкой ярости по всему телу словно пробежал разряд молнии, давая долю секунды на реакцию, — то теперь зверь вырывался наружу мгновенно, без предупреждения.

— Вот видишь, что бывает с государем... — обманчиво ласково заговорил я, разжимая пальцы и стряхивая несуществующую пыль с воротника тяжело дышащего Бестужева. — Вот что бывает, когда указы государевы читаешь через строчку. Я же ясно дал понять: всякие обызвательства, кои ранее на ассамблеях были, прекратить и более не пользоваться! И никакого богохульства, чтобы не было даже глумливых упоминаний о Церкви нашей Пресвятой!

Я чеканил практически слово в слово тот указ, который издал накануне. И, что характерно, побледневший Бестужев повторял его про себя, беззвучно шевеля губами. Значит, отлично он знает этот самый указ. Дело было в другом.

— Так, Ваше Величество... Кто уж тут кого обижает? — хрипя и потирая помятую шею, залепетал он. — Али стать «епископом жопным» плохо? Всё честь великая...

А потом этот деятель, окончательно придя в себя, начал на голубом глазу доказывать, что и богохульства-то никакого в этом нет. Разве же плохо посмеяться над католической церковью? Они же паписты, еретики! Что им станется? Да и вовсе даже не над католиками смех, а так, над выдуманной, несуществующей церковью ради веселья.

Я слушал этот лепет, и у меня волосы шевелились на затылке. Складывалось стойкое ощущение, что эти люди, привыкшие жить в атмосфере тотального террора, даже не до конца понимают, что происходило на этих гулянках годами. Что это был прямой, идущий катком наезд именно на Православную церковь. Что это было публичное втоптывание людей в грязь, унижение такого запредельного, скотского уровня, что я просто диву давался. И они настолько к этому привыкли, что искренне считали изнасилование собственной чести «великой честью и забавой».

— Никаких «игумений п***ы», никаких «жопных епископов»... А если хоть кто-нибудь посмеет назвать меня «Пахом-пихай-х*й», как ранее называли, — гневаться буду страшно. Вот так всем и передай.

Я рубил эти слова с ледяным лицом, хотя на самом деле глубоко внутри меня трясло от смеха. Хотелось просто заржать как коню. Весело? Да. Безумно пошло? Конечно. Я понимал, что это дико, некрасиво и запредельно жестоко по отношению к людям, особенно с учетом нравов этой эпохи... Но ведь, черт возьми, смешно! Своей первобытной, абсурдной дикостью.

Мне показалось, что юная Елизавета оказалась единственной, кто искренне разочаровался в таком ответе. В ее глазах погас огонек предвкушаемого безумия. А вот Анна Петровна посмотрела на меня с каким-то новым, настороженным уважением. Она вглядывалась в мое лицо, пыталась рассмотреть во мне что-то иное, словно перед ней стоял не я, а совершенно другой человек. Умная девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.